

Пьер Кребс

НАША ВНУТРЕННЯЯ ИМПЕРИЯ

Из сборника «Мужество ради идентичности»

Альтернативы принципу равенства / под редакцией Пьера Кребса.

ISBN 3-922314-79-1

© Пьер Кребс, 1988 год

От редактора:

Мы переживаем политический перелом: старый спор между, «правыми» и «левыми» в сфере социальных вопросов утрачивает свою силу. Официальные правые и левые все больше начинают заключать друг друга в идеологические объятия, за которыми тут же следуют политические: они обнаружили общность в том, что касается дальнейшего существования так называемой западной цивилизации, а именно, прежде всего, в тех областях этой цивилизации, которые можно оценить лишь негативно: в областях ее властно-структурных, эгалитаристских, экономических и универсалистских «ценностей».

Эта книга хочет сделать что-то против этого. Отдельные статьи в ней указывают, что развивается новая разграничительная линия, на сей раз – между приверженцами космополитизма и сторонниками этнокультурной идентичности. В наше время отчужденности от культурного творчества и традиции народа стало необходимым описать корни идентичности, духовного самосохранения и саморазвития отдельного человека, а также различных жизненных и культурных общностей, сделав из этого в дальнейшем основу аргументации для обоснованного противостояния духу недееспособности, разложения и разрушения.

Новые дискуссии о проблематике иммиграции и многорасового, мультикультурного и смешано-культурного общества, об утрате культурного наследия и традиции народа, а также о техническом прогрессе всегда, что характерно, ставят решающий вопрос об идентичности. Также и угрозы военного и экономического характера находятся в центре дискуссий об идентичности. В борьбе против универсальной смешанной культуры следует объединить национальные европейские идентичности, рассматривая их как дополняющие друг друга, и не противопоставляя их между собой. Необходимо дополнить национальную идентичность на более высоком уровне (Европа) и укоренить ее на уровне более низком (регионы). *Мужество ради идентичности* защищает модель гетерогенного мира гомогенных народов, а не наоборот!

Об авторе:

Др. Пьер Кребс – франко-германский правый публицист, ученый, издатель и политик, один из теоретиков «Новых правых». По происхождению француз, родился в Алжире 20 декабря 1946 года.

Изучал право в университете Монпелье, затем журналистику в Высшей школе журналистики в Париже и социологию и политологию в Сорбонне. Получил в Сорбонне степень доктора философии. В возрасте 21 года стал участником правозэкстремистской французской партии *Rassemblement Européen de la Liberté (REL)* Кребс стал главным редактором партийной газеты *REL Europe*. В 1968 году стал председателем правления партии и ответственным за работу с общественностью. Затем Кребс переехал в Германию и учился в Гёттингенском университете. В 1980 году Кребс вместе с другими правыми радикалами, такими как издатель Вигберт Граберт, основал «Семинар Туле». «Семинар Туле» издает журнал «Элементы». Главным его редактором является Пьер Кребс, среди сотрудников и авторов были такие люди (французы, немцы и англичане) как Ален де Бенуа, Гийом Фай, Роберт Хепп, Жюльен Фройнд, Майкл Уокер и Зигрид Хунке и многие другие. Кребс также является членом неоязыческого объединения.

В 2003 году Кребс основал издательство *editio de facto*, для распространения «политически менее подозрительных» произведений.

I Общие соображения об идентичности

1. Политический компонент опирающегося на идентичность сознания

На политическом уровне необходимо установить развитие социокультурных отношений, которое отрицает кочевничество масс в пользу укоренения людей, которое утверждает права легитимированных народов против покорности анонимных индивидуумов, которая защищает исконность и самобытность отдельных культур от непостоянства универсальной, нивелирующей и беспочвенной цивилизации.

Весь Третий мир будет все более осознанно утрачивать свои корни и свою идентичность, а именно точно в тот момент, когда белые – на уровне правительств – утратят сознание собственных. Третий мир со все большей энергией требует права на различие, и как раз в тот момент, когда белые – на институциональном уровне – предоставляют свою судьбу произволу, непочтительности и нетерпимости эгалитарной идеологии (учение о равенстве). Решающее значение при этом имеет прямо-таки навязывающийся постулат, что профессиональная политика, сущность которой исследовал уже Ницше, с каждым днем все больше испаряется из гражданского согласия народных общностей. На этом уровне все более выраженный этнизм потрясает нравы и устанавливает – параллельно к учрежденным структурам профессиональной политики – революционные структуры политики живого.

Отныне снова пробуждающееся этническое сознание включается все более в так называемую диалектическую нишу, которая связывает и без того дополняющие друг друга интересы культурной борьбы (в утверждении права на различие) с политическими требованиями (в осознании народной идентичности). Диалектическая ниша, которая разовьется со временем в настоящее социологическое явление европейского или – учитывая развитие в Третьем мире – даже всемирного масштаба. Право на различие бретонцев, басков, жителей Тироля, ирландцев или корсиканцев ни в коем случае не отличается, с точки зрения движущих сил, в действительности, от той воли, которая смогла воодушевить народные движения в Биафре, Пакистане, Конго или Палестине. Под этим мы понимаем ту тысячелетнюю волю, которая двигает народами, как бы они ни назывались и где бы они ни были, к тому, чтобы добиваться утверждения своей идентичности, т.е. ее свойств отличия, права быть «другим», права самостоятельно управлять своей собственной судьбой. Мартин Хайдеггер с особенной энергией и почти поразительным предчувствием представлял ту же точку зрения, когда он признавал волю народа к созданию собственной судьбы как предпосылку для освобождения от всех темных сил; так как народ может добиться для себя «только тогда своей судьбы, если он создает лишь один отзвук, возможность отзвука для этого определения в себе самом и творчески осознает свою традицию».¹ Старая, еще установленная политическая эра заканчивается: неорганическая поли-

тика учения о равенстве. Предстоит новая политическая эра, получающая законное право на власть: органическая политика, которая воспринимает право на различие. Против привычного тоталитаризма учения о равенстве постепенно проявляется альтернатива, которая свяжет старые не отчуждаемые свободы людей (с учетом их различий и гарантией права на различие) с новыми ответственными задачами приближающегося столетия (в новом гуманизме прав народов в противоположность гуманитаризму прав человека).

2. Культурный компонент идентичности

Право на различие предполагает, само собой разумеется, право на культуру, в той мере, в какой конкретизируются различия через культуру, как проявляется человеческая идентичность внутри культурной идентичности, оформляется и подтверждает саму себя.

Культурная идентичность раскрывает биполярность, характеризующую общее учение о дифференциации: созданную одним полюсом притяжения долговечности (воля поддерживать соответствие между ландшафтом, культурой и менталитетом) и другим полюсом изменения (непоколебимая воля приспособлять вчерашние традиции к сегодняшним фактам); культура понимается как полное событий и интеллектуальное мгновение, которое может проявляться в том или ином выражении или иной оболочке, не изменяя при этом своих внутренних, т.е. духовных структур. Здесь учение о дифференциации совпадает с более глобальной критикой «модернизма». Под этим мы подразумеваем критику современного мира, где «модернизм» нашей эпохи состоит в том, чтобы стереотипировать людей, превращать их в массу, перемешивать их друг с другом, несмотря на их происхождение; этот модернизм разрушит их, в конце концов, вырывая корни, которые связывают людей в определенную группу с особым ритмом жизни. Жан-Поль Вернан верно указал, что европеец тоскует скорее по движению, которое реабилитирует его в пределах снова осознанных им ценностей, чем по тому, которое заставляет превращаться его в кочевника и распыляться: «Следует вытащить каждого человека из его изоляции, укоренив его в укрепляющей его и воплощающей его общности».²

Поэтому тем более понятно, почему учение о дифференциации в первую очередь было движением культурных форм, прежде чем оно получило политическую акцентуацию.

Теперь, однако, мы сталкиваемся с сегментами действительности, которые одновременно отвергают мечтателей и идеологов. В этом месте речь идет о реальности, которую все же не следует предпочитать или презирать; речь идет о реальности, заслуживающей самого глубокого уважения; о реальности, которую Роберт Ардри подчеркивал неоднократно, на основе которой человек стремится к своей идентичности, как растение тянется к Солнцу. От-

ныне речь больше не идет о каких-нибудь политических разграничительных линиях или идеологических предпочтениях, а скорее об остроумной установке на настоящее, ради ясного понимания реальности – если хотите оптимально ориентироваться в жизни. «Биологическое и культурное – это, в принципе, одно и то же: общество представляет собой биокультурную систему, в которой обе сферы проникают друг в друга и воздействуют друг на друга».³ Поэтому мало удивляет, что некоторые разделенные разными политическими взглядами люди без колебаний переходят Рубикон, если речь идет о дальнейшем существовании или сохранении формирующего их наследия. Или что (даже пусть только в течение короткого времени) политические личности, выходя за рамки действительно спорной самой по себе программы, возвращаются вновь к тому ясному осознанию закономерностей реального. Жискара д'Эстен продемонстрировал такой пример, когда сказал: «Духовное наследие наследство коллективно пережившей цивилизации равняется генетическому наследию биологического происхождения».⁴ Сайрил Дин Дарлингтон заметил со своей стороны: «Различные миры, в которых живут люди, основываются на различных ощущениях вкуса и обоняния, зрения и слуха, которые у разных людей отличаются, но, тем не менее, в случае... людей с общими расовыми признаками они значительно совпадают. На этих мирах ощущений основываются другие миры образов мыслей и духовных представлений, в которых отдельные народы существенно отличаются друг от друга. Древние египтяне и майя, индийцы и китайцы, европейцы средневековья и современности, они все жили в различных культурных мирах, которые обнаруживаются во всех их характерных художественных стилях, которые никогда не могут воплотиться друг в друга, и отражают и обобщаются в них. Они противостоят друг другу непониманием, разделенные друг от друга непреодолимыми пропастями...».⁵ Взгляд на культурное укоренение позволяет разрушить, как уже было показано, слишком тесные понятия «левый» и «правый». В этой связи исследователь с ярлыком «правого» бьет тревогу против эгалитаризма, тянущего нас к тому утру, «когда разнообразие человеческого рода больше не осветит утреннюю зарю, к утру однообразия, однообразно установленных движений, лучшему из всех миров, абсолютному порядку, уравненной действительности, серой монотонности, однообразному ответу на однообразный запрос... Это также то утро, приход которого мы выпрашиваем в наших экономических союзах, в наших коллективных фермах («колхозах»), в наших церковных советах, в наших органах управления, в наших межгосударственных отношениях, в нашей благородной усилении относительно создания всемирного правительства. Это утро, к которому мы стремимся, когда молимся, чтобы стать однажды пастухом или стадом».⁶

В одном на этот раз считающемся «левым» журнале журналист пишет: «Если мир лопнет завтра, я все еще смогу перед смертью увидеть свою страну. (...) Современный человек должен готовиться как раз к тому, чтобы противостоять шоку будущего. Приспособленному, решительному, эффективному, жиз-

неутверждающему в преходящем, в потоке образов, который быстрее его, без связей и без корней».⁷

3. Этологический компонент или рассуждения об укоренении

Этология занимается смыслом и значением территории или области. Эдвард Т. Холл заметил, что окружение определенной области влечет за собой и социальные последствия.⁸ Представление о том, что заправляющий в архитектуре и планировании эгалитаризм ведет к росту насилия, неоднократно было подтверждено за прошедшее время. Этот рост содействует медленному, беспрерывному процессу разложения общественных отношений.⁹

В пределах звериных общин, главным образом у приматов, могла быть установлена тенденция к выталкиванию всех гетерогенных элементов, как только был достигнут критический порог. Эксперты из того сделали вывод, что животные стремятся идентифицировать себя с теми, кто на них похож.¹⁰ Это наблюдение считается верным и для человеческого мира. Поэтому также справедливым обществом является преимущественно то, «в пределах которого достаточный порядок защищает его отдельных членов, как бы они ни отличались друг от друга; внутри которого, однако, достаточный беспорядок содействует каждому индивидууму в том, чтобы разрабатывать свои замыслы. Это равновесие между порядком и беспорядком, которое составляет, по моему, договор между компаньонами об учреждении общества; исследование отдельных видов в достаточной мере продемонстрирует, что речь при этом идет о биологическом императиве».¹¹

Органическая жизнь – это, среди прочего, и структура укорененного в природе живых существ основного различия. Еще Аристотель представлял точку зрения, что природа, когда она делает людей теми, кто они есть, создает всесторонние различия между ними. В действительности: где смерть гомогенизирует, жизнь гетерогенизирует. Кроме того, известно, что психические расстройства обосновываются чаще всего тем, что можно обозначить как изменения или уродования личности. Вовлечение племени в систему, которая больше не принимает во внимание его жизненные нормы, равна, таким образом, в общественной практике настоящему коллективному неврозу, которой выражается либо постепенной дегенерацией¹² в форме нарушений, либо эпидемическими политическими беспорядками. Симона Вейль пишет в этой связи: «Люди действительно лишенные корней могут демонстрировать только два вида поведения: либо они разрушаются психической, похожей на смерть инерцией, либо они всегда бросаются в деятельность, сводящуюся к тому, чтобы тех, кто еще не утратил корней или утратил лишь частично, лишать корней, причем часто самыми насильственными методами».¹³

Во время организованного постоянного перемещения людей и воззрений индивидуумы никогда еще не чувствовали такого сильного соединения с защи-

шающей их и идентифицирующей их группой; никогда еще носители воззрений с такой силой не требовали соединения с культурным наследием: нравится это или нет, но этот факт больше невозможно оспаривать! Нередко люди выражают свою волю к жизни закреплением в жизни в определенном месте или в определенном ландшафте, так как это место или этот ландшафт связывает их с людьми, к которым они ощущают привязанность, так как вид этого места или этого ландшафта гармонирует с их личностью; и так как эта личность совпадает с психизмом, образом жизни и образом мыслей, который обновляет проявляющееся биологическое наследие, определенное в этом месте или в этом ландшафте.

Понятие укоренения ведет к более общему понятию традиции. Не может ли возвращение к традиции означать, однако, ничто иное, как возвращение к застывшему, статическому, «окаменевшему» способу существования? Стало бы оно, таким образом, отходом ко вчерашнему, ради того, чтобы ускользнуть от реальности, с которой оно не в состоянии справиться? В своем посвященном бретонскому сепаратизму произведении один писатель представил точку зрения, что фольклор – это позорное пятно народности, продолжающей существовать, которая, однако, уже не верит самой себе, что она в состоянии защитить свой суверенитет.¹⁴ Верность традиции больше не предполагает готовности обеспечить живое приспособление этой традиции к современности, не теряя при этом ядра традиции. Верность традиции – это, в принципе, духовное поддержание, которое управляет этой традицией. Хайдеггер решительно утверждал: «Но начало повторяется не тогда, когда на него ссылаются лишь как на нечто старое теперь известное и лишь подражающее, а тогда, когда начало возобновляется на первоначальном уровне...»¹⁵ Это предполагает, что «мы через наши вопросы вступаем в ландшафт, находиться внутри которого является основной предпосылкой, чтобы вернуть почву под ногами историческому бытию».¹⁶ Необходимо заметить, что укоренение человека никоим образом не означает его фиксацию. Укорененный человек постоянно в движении. Однако он двигается так, что он, тем не менее, остается присоединенным к цепи; эта цепь гарантирует то, чтобы он не опустился и не погиб. Укорененный человек в движении, но поэтому он не теряет своих корней: он скорее перемещает и модифицирует их в течение своего развития. Народ может передвигаться в пространстве, в пределах своих воззрений, в истории, которую он создает или упраздняет. Народ остается, тем не менее, так долго самим собой, пока он не теряет корней, которые связывают его с определенной специфичностью, с признанной идентичностью. История Европы, ее структуры и духовные течения никогда не застывали. Ее основные ценности, характерное бытие-в-мире, природа и жизнь не изменялись в своей сути. Европа будет дальше находиться в движении, люди снова и снова по-новому будут формировать вещи, их воззрения снова и снова создадут новые перспективы и выразят новые альтернативы, их воля снова создаст порядок посреди хаоса, – до тех пор, пока Европа не модифицируется в ядре своей биокультурной сущности (сущности). Следова-

тельно, биокультурное укоренение не имеет ничего общего с географическим, которое может изменяться историей и волей, даже если последнее имеет значения. Таким образом, укоренение не означает ни ограничения, ни локализации. Оно не представляет собой ни блокирования, ни замыкания в рамках. Укоренение – это скорее укоренение расширения и развития, присущая росту силы. Лишь укорененный в своих биокультурных структурах народ в состоянии снова и снова изобретать все эти ценности, строительные камни, альтернативы и изменения в каждом поколении, которое вызывает биологическое и культурное продолжение жизни народа. Укоренение – не повторение, а скорее инновация внутри цивилизаторских структур, которые, так сказать, чередуются, не меняясь существенно в своей сути. Эгалитаризм же, напротив несет в себе опасности разлома. Эгалитаризм хочет изменить мир, т.е., прежде всего, отделить его от биокультурных структур, на которых он еще стоит сегодня. Эгалитаризм стремится дезинтегрировать или опустошить то, что укоренение интегрирует путем инновации.

Укоренение принадлежит к сущности жизни: появление изменений (эволюция) в пределах поддержания (наследственности). Оно дает нам понять, что «наихудшее психическое расстройство состоит в бессилии понимать других по-другому, чем себя самого».¹⁷ Оно указывает нам, наконец, на то, «что люди, как и события, снова и снова возвращаются вечно к самим себе. Так они узнают о своем воплощении».¹⁸ Недавно один турок дал понять, что большинство его земляков «приехали в Германию, чтобы зарабатывать здесь деньги, а не для того, чтобы позволить себя интегрировать. На практике это может означать именно германизироваться, самое позднее во втором поколении – и в действительности никто из нас не хочет этого». Затем он добавил, как будто чтобы преподать урок тем немцам, которые очень быстро отказались от своей идентичности: «Мы гордимся тем, что мы турки, и также хотим ими оставаться. Если немцы так легко отказываются от своей национальной, этнической и культурной идентичности, то я думаю, это связано с тем, что немцы в 1945 году не просто проиграли войну. В моих глазах настоящие враги иностранцев – это, прежде всего, те, кто не уважает ни своего, ни чужого народа. Их идеал, как мне кажется, это каша из народов, состоящая из лишенных историй и традиций идиотов, помешанных на потреблении».¹⁹ Потому что без укоренения люди не могут стать теми, какими они должны быть.

4. Этически-философский компонент

Первоначально иноплеменная иммиграция была социо-экономическим явлением с ограниченными, обозримыми последствиями; но со временем она развивается в социобиологическое явление, с противоположными последствиями. К чисто экономическим, изменчивым стимулам общества потребителей, сегодня добавляются этически-философские, «обоснования», происхождение

которых гораздо старше, чем социо-экономические изменения последних десятилетий. Под этим мы подразумеваем эгалитарный гуманизм.

На наш взгляд чрезвычайно полезно и крайне необходимо сорвать маску с того преступного комплекса идей, который скрывается за псевдогуманистическим лексиконом главных защитников иммиграции: это лицемерная этика, под прикрытием которой развивается гигантский аппарат ради уничтожения всех людей; дымовая завеса извращенного лозунга свободы и толерантности, за которой с нетерпением ожидают корабли огненного погребения рабства и произвола. Направленный на равенство гуманизм с точки зрения логики учения о дифференциации оказывается удивительным мошенничеством. Хуже того: с точки зрения этого учения он разоблачается как носитель самого большого геноцида, который предпринимался когда-нибудь, а именно – геноцида, направленного против всех народов нашей планеты. Так как из-за своего смешивания рас, культур и мировоззрений, т.е. скрещивания и нивелирования различий, эгалитаризм не только пренебрегает самыми основными понятиями уважения и толерантности, но и презирает свободу и основное право на различие. Эта голая псевдодемократия купюры содержит в действительности самый варварский и самый извращенный тоталитаризм, тоталитаризм, который от имени свободы растворяет все народы человечества в панмиксии (смешении рас).²⁰

От имени толерантности учение о полном равенстве людей оказывается виновным в нетерпимости, состоящей в том, чтобы повсюду бороться с различием, оригинальностью и особенностью, где они не подчиняются мельнице уравниловки. Так получилось, что представители «религии любви» во имя правды, над которой сегодня можно только посмеяться, спокойно и с чистой совестью могли приступить к уничтожению общностей – иногда также со всем населением – которые хотели сохранить верность своим предкам и своим богам.²¹

Слову апостола Павла, согласно которому «нет ни эллина, ни иудея» и стремлению к возвращению людей и образов жизни к единой модели решительно противостоит право на различие. Наш гуманизм не базируется ни на разделяющем исключении, ни на уравнивании; оно было бы равносильно подавлению различия. Наш гуманизм хочет стать продолжением наследия. Это значит, что он принципиально уважает и наследия других. Он хотел бы укрепить европейцев в их специфичности и их различии и одновременно поощрял бы все другие расы и народы, чтобы они сохранили свои особенности. Наш гуманизм намеревается взять ответственность за культурное наследие Европы, и хотел бы вновь обрести все таинственное богатство, которое сохранено в истории наших народов, но также и все те человеческие ценности, которые были преданы забвению за две тысячи лет христианства или были искажены, эксплуатированы и изувечены.

Наш гуманизм вертикален: он хотел бы видеть человека внутри иерархии на том месте, которое соответствует его сущности и служит его особенности – в противоположность эгалитарному гуманитаризму, который горизонтален и видит человека в начале нивелирования, делая его заменным материалом внутри большого анонимного и психически нивелируемого коллектива. Гуманитаризм поглощает отдельную личность как и отдельный народ, чтобы поставить на их место анонимного индивидуума и массу. Это – гуманизм уравниловки и поэтому отчужденности, в конечном счете, девальвации; то есть, гуманитаризм, который смешивает и вместе с тем разлагает, который искореняет и поэтому разрушает. Гуманитаризм растворения. Гелен очень удачно подметил, что гуманитаризм (одинаковая, не различающая любовь к людям) и демонизм масс связаны теснейшим образом.²² Тьерри Мольнье заметил по этому поводу: «Если подумать о том, что было бы желательным на более короткую или более длительную перспективу... Не является ли этим, например, общее смешение рас, исчезновение различий, человечество, которое сокращено до одного единственного морфологического и психического типа?... Что случится, однако, в этом случае с неграми? Что с американскими индейцами и тем, что останется от их первоначальной культуры? Что будет с племенами туземцев..., у которых есть, вероятно, то же самое право на свой особенный образ жизни, как у тех видов животных, о который мы так волнуемся, ибо они находятся под угрозой вымирания? Владеют ли отдельные этнические группы относительно своей идентичности правами, которыми не обладают другие? Признается ли право на особенность отдельным «породам» вида человек, в котором, однако, отказывают другим? Отказывают, в частности, нам, несчастным европейцам, которые, по-видимому, являются единственными, кто лишен права на сохранение нашей особенности».²³

Попытаемся подробнее вывести представленные мысли в схематической рамке:

Учение о равенстве говорит о человеке. Однако, когда оно устанавливает свою абстрактную и деградирующую концепцию человека, оно тем самым отрицает в один момент всех людей. Мы наталкиваемся здесь на тоталитарную волю: возвращение высокоразвитого разнообразия к унифицированной модели. Это причина, по которой мы говорим об эгалитарном гуманитаризме как о таком «гуманизме», который ведет к исчезновению различия – т.е. другого – в единстве – т.е. в равном. Из воли к унификации произрастают, в действительности, настоящие корни нетерпимости.

Мы напротив говорим о человеческом плюрализме. Так как говорить о людях само по себе уже предполагает их разнообразие. Наш гуманизм основывается на поддержании различия. На этой основе он снова приводит в соответствии этику и жизнь, толерантность и людей.

Учение о равенстве говорит о человечестве в единственном числе. Все же, в то время как оно определяет свою концепцию человечества, оно сразу отрицает все народы. Мы наталкиваемся здесь снова на тоталитарную волю: унификацию рас и неуважение к различию культур. По этой причине мы называем эгалитарный гуманитаризм «гуманизмом», нивелирующим, гасящим, растворяющим, обесценивающим идентичность, различие рас и народов. Из эгалитарной воли к унификации происходят самые важные корни сектантства и насилия.²⁴ Что касается нас, то мы говорим о человечестве во множественном числе. Наш гуманизм базируется на признании народов и их культур, то есть, на внимании к ним. Поэтому он приводит историю и жизнь, наследие и людей снова к согласию.

Учение о равенстве говорит о всемирном государстве. Однако, когда оно постулирует концепцию планетарного государства, оно сразу отрицает все культуры. Мы наталкиваемся также здесь на тоталитарную волю: политическую волю к отрицанию и разрушению культурных различий, что в пределах всемирного государства должно привести к феномену культурной адаптации. Поэтому мы говорим об эгалитарном гуманитаризме как о «гуманизме», который раскалывает и поэтому делает беднее. Из эгалитарной воли к универсальному огосударствлению планеты происходят самые важные корни диктатуры.

Мы напротив говорим о национальных идентичностях и отечествах. Наш гуманизм основывается на свободе народов быть самими собой. Исходя из этого, он снова приводит к согласию дух и жизнь, культуру и людей.

Учение о равенстве говорит о кочевничестве масс. Однако, когда оно устанавливает произвольную социологическую программу, оно этим сразу отрицает все традиционные человеческие общности.

Мы наталкиваемся здесь на тоталитарную волю, на которой основывается феномен отчужденности. По этой причине мы говорим о том, что эгалитарный гуманитаризм смешивает и поэтому разлагает, искореняет и тем самым разрушает. Именно это скрывается за проектом панмиксии, другими словами: за всемирным геноцидом человеческой идентичности, из которой исходит этнокультурная принадлежность к определенной группе. Из эгалитарной воли к смешению рас появляются корни отчужденности и геноцида.²⁵

Мы напротив говорим об укоренении. Наш гуманизм органический, он базируется на приобретенных познаниях жизни. Таким образом, он снова приводит природу и жизнь, народность и человека к согласию.

Настоятельное требование момента состоит не только в том, чтобы излагать и действовать; настоящее требование времени – это пробуждать; пробуждать память наших народов, чтобы разбудить в них осознание их корней;

побудить к ознакомлению со своими корнями, чтобы они узнали свою идентичность; содействовать им в осознании их идентичности, чтобы узаконить их право на различие; обучить их, наконец, как они, учась вниманию и уважению к людям, снова смогут выучить права народов. Речь идет, в принципе, об их свободах, о тех свободах, которые начинают там, как каждому следует знать, где прекращается презрение к культуре и менталитету; т.е., другими словами, презрение к жизни в его наивысшей степени. Это презрение при недостаточном сознании описывается банальным словом, на котором основываются произвол, ненависть и рабство; так же как свободы, при выраженном сознании, описываются сакральным словом, на которое основываются право на различие, на уважение и внимание: это слово – «толерантность».

II Немецкие перспективы идентичности

Баланс

В то время, когда увеличивается количество политических партий и группировок, мы рассматриваем в качестве требования времени основание партии духа – школы метаполитики. Эта новая мировоззренческая школа должна узаконить предстоящие культурные решения, из которых возникнут политические воплощения. В этом духе группа молодых писателей, журналистов и ученых в июле 1980 года основала Семинар Туле. Семь лет интенсивной борьбы, публикация четырех основных произведений, не меньше чем двести докладов, которые были прочтены в Германии, Австрии, Бельгии, Голландии, Франции и Швейцарии, превзошли все ожидания и позволили этой мировоззренческой партии выиграть ее первую значительную битву: а именно – создать в Германии краеугольный камень того фундамента, на котором должна возникнуть Новая культура.

В Бессмертном наследии мы определили наследие интеллектуальной и этнической памяти, когда делали первые наброски дифференциалистских альтернатив эгалитаризму. В языческом бытии в новом начале была представлена языческая память европейской духовности. В решающие годы был подведен баланс о системе и ее идеологических аналогиях (либерализм, большевизм).

В Европейском возрождении, наконец, мы разработали стратегию отвоевания. В учредительной фазе этой «партии духа» Семинар Туле решительно дистанцировался от профессиональной политики. Семинар Туле снова и снова представлял ту точку зрения, что речь идет о созревании новых ценностей, которые сделали бы возможным для нашего народа возвращение отечества, а именно путем повторного укоренения его самого исконного менталитета. Так как то, что находится в происхождении, пишет Хайдеггер, всегда остается будущим...

Семь лет борьбы научили нас осознавать силу тысячекратно более могущественного в материальной области противника, одновременно показали, однако, что этот противник тысячекратно слабее в области заинтересованности, революционного идеализма и, прежде всего, идеологической альтернативы. Он был тысячекратно могущественнее, так как расположился во всех структурах правительственной власти, от правый до левой стороны системы, но, как ни парадоксально, в то же время он был тысячекратно слабее, уязвимее, так как лишен опоры из-за серьезного идейного кризиса.

Эти семь лет борьбы подвергли нас первым проверкам. Следующие, более серьезные последуют за ними. Но мы знаем, что мы принадлежим еще завтрашнему дню. Но завтрашний день уже светится в рассвете двадцать первого века.

Наша внутренняя империя

Германии больше нет. У Германии есть политический карнавал, где маскарады покидают форумы, где краснобаи – это только служащие системы, где мошенничают, и где подлинная народная идея постепенно оказывается запрещенной. Нигде больше в мире страна не предлагает собой еще более пренебрежительную картину окончательной колонизации двумя силами, которые являются лишь порождениями одного и того же эгалитаристского, уже разоблаченного Мартином Хайдеггером чудовища: «Обе – Россия и Америка – при метафизическом рассмотрении, являются одним и тем же; то же безнадежное безумие освобожденной техники и беспочвенной организации нормального человека». ²⁶ Другими словами: Европа нигде не является такой испорченной, такой униженной, такой оболганной – как в Германии.

Самое глубокое падение содержит, тем не менее, всегда самую сильную, самую отчаянную надежду. В 1963 году Юлиус Эвола²⁷ сделал о Германии следующий трагический вывод: «С Германией, которая раньше представляла собой плодотворную землю с самых различных точек зрения, больше не нужно считаться: внутреннее, духовное крушение последовало за военным поражением, последовало как будто невротическое отвержение любой возвышенной идеи или интереса». Германии больше нет: тем не менее, это также должно означать, что она снова сможет быть. Это также не могло бы удивить никого, кто, следуя мысли Фридриха Шиллера, никогда не терял убеждения, что немецкое величие всегда исходило из глубокого падения немецкого народа, рождалось из хаоса, если использовать слова Ницше.

Вместо того чтобы быть тем, чем она не является, наша Германия (Германия Новой культуры) решила на то, чтобы больше не быть. Германии больше нет. Германия возвратилась к эссенции, к мифу и к легенде. Ее возрождение может быть достигнуто только благодаря использованию духовных сил; дальнейшее существование ее зависит безусловно от еще готовых к риску

сил воли, повторное пробуждение как никогда раньше связано с еще укорененными силами верности. Германия возвратилась к идее, которая проверяет интеллект ее народа; к идее со всеми соотношениями, которые она включает в себя: Германия стала питательной средой революции! Германия возвратилась к проекту, к источнику инициативы, мужества и воинственности со всеми опасностями, которые скрываются в этом для народа. Германия возвратилась, собственно, даже не зная этого, с беспокойной душой скептика к старым богам, которые разъясняют менталитет, психологию, поведение народа: Германия стала снова родиной становления и укоренения, отечеством в изгнании, так сказать, которое требует, чтобы его искали, добывали, чтобы его отвоевывали обратно. Германия стала снова великой страной будущего, страной, которую стоит заново находить и заново создавать. Германия возвратилась к нашей самой долгой памяти, чтобы вернуть нам самую скрытую, самую глубокую, самую подлинную часть сознания нашей идентичности. Германия снова сделала нас европейцами в роковом центре Империи Середины.

Германия не достанется нам даром, как находят бесполезные обломки кораблекрушения при прогулке по берегу моря – скорее нам придется доказывать ей, что у нас есть сила вновь обрести ее. Это подвергнет проверке наши корни, так как вынудит нас найти самих себя: это потребует, чтобы мы представили легитимацию, новизну, более высокое обоснование права на различие и на идентификацию. Это проверит нашу память, так как вынудит нас снова создавать основные мифы, снова создавать историю, то есть, снова исполнить судьбу. Германия проверит наш интеллект, так как ожидает от нас духовного укрепления идей, альтернатив и ценностей, которым для жизни нужны отечества. Германия порвала со случайностями профессиональной политики, со всем этим партийным караван-сараям. Она выбросила мишуру системы в мусорный контейнер анекдотов. Германия больше не в сегодняшнем дне. Когда она вернулась к эссенции, к мифу и к легенде, она снова соединилась с историей и деятельным предвидением. Она снова стала исторической и уже постмодернистской. Германия снова стала фундаментальной, то есть в своих первоистоках снова обрела меру империи: европейским центром рождения наших основных идей, наших бунтарских свобод, наших фаустовских стремлений, наших аристократических вызовов. Это развивается наша внутренняя империя.

Страна, где Заратустра умолк

В стране Гёте Мефистофель прекратил быть соблазнителем. Его когда-то похожее на шпагу тонкое лицо распухло; волшебная сила его глаз околела в скотском взгляде ковбоя из Далласа; его клыки притупились от жевания жвачки, и от его дьявольского смеха заметной осталась только лишь липкая гримаса бизнесмена с Уолл-стрит, злая гримаса американского образа жизни,

которая как хмурая тень распространяется над немецкой агонией – самый пагубной в этом веке. Фауст висит – снова – на дереве судьбы, его дух изгнан, и его душа разорвана между частями Германии. В «Бамбергском саднике» немецкая история, кажется, окаменела навечно. На покинутой горе Брокен вальпургиевы ночи освещаются только лишь холодными лучами прожекторов чужих наблюдательных вышек. Тристан смертельно скучает, околевает от скуки на заполненных Америкой дискотеках, в этих новых местах истерии нового Вавилона, который в образе распродаваемого певца Майкла Джексона нашел пока что самый сенсационный и самый жалкий контраст с Зигфридом. Гамельн всюду в Германии, но избранный в Бундестаг флейтист продал свою магию оккупанту, и теперь именно крысы определяют либерально-капиталистическую судьбу разрушенной империи. Напротив, Моцарт не лежит там убитый, и его разбитая флейта не будит эльфов и русалок германского леса.

Заратустра молчит. Говорят, что он удалился в тайные глубины самой длинной памяти... Американские стратеги космополиса, которые, как недавно подчеркивал кинорежиссер Фолькер Шлёндорф, живут только сегодняшним моментом, однако, не приняли это к сведению. Момент принадлежит им; история же их едва ли интересует. Вместе с Мартином Хайдеггером мы знаем, что мы находимся в полночи, «в уже начинающейся бездуховности, распаде духовных сил, отвергании всех первоначальных вопросов о причинах».²⁸ Как раз эти вопросы о наших корнях, об этом не устаревающем праве на идентичность мы должны выдвинуть на передний план. Этот считающийся сегодня еретическим вопрос не нов. Уже полвека назад Освальд Шпенглер поставил следующий основной вопрос: «Есть ли у какого-либо человека белой расы сегодня взгляд на то, что происходит вокруг на земном шаре? На величину опасности, которая нависла над этой народной массой и угрожает ей?»²⁹ Германия – теперь пример динамики в той единственной области, где она может утверждать свою волю, в потребительской области, и притом как раз в той самой мере, в какой ее идентичность, ее национальная ответственность и ее историческая судьба почти безусловно ограничены. Однако, эта динамика является преходящей в том отношении, что она больше не создает основы для духовных, этических, культурных или политических ценностей. Эта динамика больше не прометейская. Она коммерческая и американская. Она стала огромной силой саморазрушения, она содействует «последнему отсчету времени» немецкой идентичности.

Страна, из которой сбежали Боги

Как раз в основе этого коммерческого безумия Хайдеггер узнает демонический аспект,³⁰ уничтожающую злонамеренность, которая омрачает защемленный теперь между Советской Россией и Америкой европейский дух.³¹ Философ перечисляет также события, которые привели к этому помрачению: это «бегство Богов, разрушение земли, превращение человека в массу, пре-

имущество посредственности».³² Щипцы сомкнулись, и Германия отправилась в самую темную ночь этого столетия, оплодотворенную нашим вероломством, нашими слабостями, нашими унижениями ночь; непрозрачную, однообразную ночь; тепловатую ночь узнанной Конрадом Лоренцом тепловой смерти; безграничную ночью самой опасной унификации всех времен, так как она навязывает всему поглупевшему миру одинаковые моды и глупости, одинаковые кубические строения и одинаковые дискотеки, те же самые «Макдональдсы» из пластмассы, чтобы обманывать животы, одинаковые Holliday Inns из бетона, чтобы размалывать мечты. Это самая длинная ночь этого столетия, плебейская ночь американского мондиализма, который отупляет нас и торжествует под маской доллара гангстеров Уолл-стрит. «Мы находимся в клещах», говорит Хайдеггер. «Наш народ, как находящийся в середине, сильнее всего ощущает самое острое давление клещей».³³ Шпенглер со своим всемирным даром познания предвидел, а Хайдеггер только может подтвердить, что Америка позволяет разрастаться своим метастазам в отечестве Новалиса, Рильке и Георге. Этот выбор не является случайностью. Делая Германию своим сателлитом, Америка очень хорошо знает, что этим самым парализует сердце Европы, Империю Середины, духовный и исторический эпицентр нашего континента. Томас Манн с полным основанием говорил о Германии, что она объединяет Европу, является сущностью Европы. И как раз в этой «объединенной» Европе либерально-капиталистическое общество американского образца готово с самой большой эффективностью создать господство превращенного в массу человека и порабощение человека духовного. По поводу этой Германии возмущался Томас Манн, когда писал: «Чьим бы стремлением ни было сделать из Германии простую буржуазную демократию в римско-западном смысле и духе, тому хотелось бы забрать у нее все самое лучшее и самое сильное..., тому хотелось бы сделать ее скучной, прозрачной, глупой и ненемецкой!»³⁴ Навязчивая идея Томаса Манна превратилась в повседневный факт. В лишенной своего германства Германии растет Homo Occidentalis, «человек западный», который мог бы совершенно лишиться нас нашей веры в европейского человека, так как он охвачен тем всеобъемлющим господством умаления, которое разоблачал Ницше: «Потому что дело в следующем: умаление и уравнивание европейского человека таит в себе самую большую опасность для нас, так как этот вид утомляет... Сегодня мы не видим ничего, что хочет увеличиваться, мы чувствуем, что все будет катиться вниз, к более разбавленному, более добродушному, более умному, более удобному, более посредственному, более безразличному, более китайскому, более христианскому... Здесь как раз лежит злой рок Европы – со страхом перед человеком мы утратили также и любовь к нему, почтение перед ним, надежду на него, волю к нему. Теперь вид человека утомляет...»³⁵

Так что не нужно говорить нам, что оккупация американцами нашего пространства оставляет нетронутой нашу культурную свободу, и что эта оккупация была бы по существу лучше, чем советский ГУЛАГ, где под стражей держат и тело, и дух. Нет ничего более ошибочного, чем это слабоумное утвер-

ждение, так как на самом деле произошло прямо противоположное: Америка гораздо более основательно оккупирует наш дух чем наше пространство, нашу культуру, чем наши казармы, наши привычки, чем наши улицы, наши поля, чем наше небо. Даже хуже: Америка заселяет, так сказать, наши желания, наши рефлексy, наши мнения. Америка заселяет уже нашу память. Поэтому неопровержимо установлено: предпосылкой возрождения Европы является упадок Америки, упадок этой «практикующей антиевропейство, коммерческой, демократическо-капиталистической, по сути светской и протестантской культуры...», которая как раз в Америке дошла до своего последнего рубежа: до алчности, до выходящей за любые рамки стандартизации, до тирании трестов и золота, до унижительной религии «социальности и труда», до разрушения любого метафизического интереса и до прославления животного идеала». ³⁶

Самый большой вызов на этом рубеже веков будет стоять перед немецкой нацией, пережившей самое большой удар по своей идентичности среди всех европейских наций: Будет ли Германия способна стряхнуть с себя эту смертельную дремоту, эту ужасающую мерзость американской жизни? ³⁷ Да, мы ставим этот вопрос! Если Германия будет способна снова выковать судьбу на наковальне Зигфрида, уменьшив этим американский феномен до его фактического размера, и сказать однажды – как Ницше: «Какое мне дело до жалкой болтовни этих тупых и бестолковых американцев?» ³⁸

Тяжелое обвинение Иоахима Фернау попадает точно в цель: «В 1945 году мы были воском в их руках, сегодня мы стали их послушной тенью. Что мы хотим сохранить? Наше отечество? Что это? Землю? Пашня? Города? Фабрики? Банки? Атомные реакторы? Супермаркеты? Партийные силосы? Что это такое – Немецкое отечество? Откуда она пришло? Оно же однажды уже было там, где же оно только осталось? Что это было все же? Ах, мои преданные друзья, я думаю, что это была наша душа. Она – это то, что они разрушили... За это никто не терял сочувствия!... Ненавидьте то, что приходит оттуда к нам... из любви к тому, чего мы жаждем и что разрушено, поэтому я говорю: ненавидьте! Любовь стала бессильной. Там, по ту сторону океана, стоит виновный». ³⁹ Чтобы создать Европу, мы должны будем упразднить Америку. Если подумать – вслед за Эволой, что американец, это олицетворение самого современного, доведенного до края человека запада, является ничем иным, как ракообразным в панцире, который оказывается тем более «жестким» снаружи, в его внешнем поведении, чем «мягче» и неустойчивее он внутри, в сфере внутренней жизни – то такая затея, поистине, не кажется столь пугающей! ⁴⁰

Вся Германия стала огромной корзиной для крабов. Ракообразные, о которых говорит Эвола, выедают ее изнутри. Германия стала огромной Калифорнией, где еженедельным телевизионным сериалам в духе «Далласа» – о, ужасная скорбь! – по-видимому, удалось заставить забыть все Люнебурги, все Бамб-

ерги, все Марбурги. Мартин Хайдеггер дал калифорнийской опасности другое имя, когда говорил о «наивысшей и самой успешной пронизательности все подсчитывающего планирования и изобретательства».⁴¹ С ужасным последствием: убийством размышляющего мышления. Также и Герман Кайзерлинг описал неопишную экзистенциальную пропасть, существующую между Европой и Америкой, такими словами: «В Европе власть финансов никогда не считалась последней инстанцией. Почитание этой странной веры принадлежит к оригинальным достижениям Соединенных Штатов. В Америке люди действительно полагают, что богатч превосходит других людей именно по причине своего богатства; в Америке выдача денег действительно создает моральные претензии».⁴²

Страна размышляющего мышления

Жермена де Сталь замечала: «В Германии господствует, тем не менее, такая склонность к рефлексии, что немецкая нация может в подлинном смысле слова рассматриваться как метафизическая нация. В этом народе есть так много людей, которые могут понимать самые абстрактные вопросы, что даже большая публика принимает участие в спорах, которые возникают при этих обсуждениях».⁴³ Мадам де Сталь тем самым предвосхитила мысль Томаса Манна, который любил говорить: «Можно ли быть философом, не будучи немцем?»⁴⁴ Пока Германия оставалась естественной родиной размышляющего мышления, она могла давать остальному миру самое наилучшее: размышляющее мышление связывало ее с ее самой чистой оригинальностью, которая побуждала постоянно ее к тому, чтобы задавать фундаментальные вопросы о сущности, бытии и становлении. Размышляющее мышление укоренило Германию в ее психических, культурных, социологических и политических партикуляризмах; размышляющее мышление развило Германию в ее наследии; оно сплетало Германию с ее идентичностью и одновременно делало ее открытой для всего мира. И Германия изменялась, отнюдь не модифицируясь. Расчетливое мышление освобождает Германию от ее связей, ее отношений, ее расположений, ее сродства. Оно отчуждает Германию постепенно от себя самой; она изгоняет ее самых великих мыслителей внутри их собственного отечества. Расчетливое мышление отодвигает Германию все дальше от ее истории и напротив приводит ее все ближе к материальному фатализму, к экономическому.⁴⁵ Расчетливое мышление все больше срезает то, что принципиально отличает Германию от других народов, приспособлявая ее к однообразным, взаимозаменяемым и тоталитарным требованиям мондиалистского диктанта, то есть, изувечивая ее. Расчетливое мышление обезличивает Германию. В этом смысле либерализм одержим тем, чтобы задушить живые традиции этой страны и все, что свидетельствует о развитии ее становления, хватаясь за все рычаги, управляющие традициями и обычаями. Либерализм манипулирует вкусом, модой, гаджетами, шлягерами, образами, которые он подслушивает у пошлых стереотипов космополиса. Он распро-

страняет информацию, чтобы лучше перепутать все пути, оглуплять рефлексию, обескуражить концентрацию, стереть всякий след размышляющего мышления. Расчетливое мышление постепенно упраздняет идентичность, норму, ориентирующие ценности, которые позволяют различным людям стоять на стороне одного народа, а не другого. Расчетливое мышление абстрагирует связи и нейтрализует корни, вовсе не для того, чтобы однажды создать связи между общностями и народами, а чтобы смочь обменивать лишние человечности человеческие пространства с одного конца планеты на другой. Расчетливое мышление постепенно превращает, таким образом, немецкий народ в общество товаров. Постоянно трансформирующаяся в стандартизованном тигле космополиса, все более радикально отделенная от своего германства, Германия очень скоро больше не сможет дать миру все самое лучшее, так как это лучшее, что отличает немцев от других народов, будет упразднено. Народ взорвется, так сказать, сначала на высоте корней, связей, ценностей, прежде чем он взорвется в великом всемирном смешивании. Наблюдение мадам де Сталь и вопрос, который ставил Томас Манн, тогда даже больше не будут иметь значения: если немцы уже будут поглощены и интегрированы в стандартизованном космополисе, если существование и мир уже программируется, технократизируется, то очевидно, что вопросы о сущности, бытии и становлении ощущались бы только лишь как интеллектуальными, бессмысленные глупости в мире, где бытие было бы унифицируемо и становление было бы упразднено... до появления непредсказуемого, которое обозначается в Германии как «случай серьезной опасности»! (эвфемизм понятия войны в западногерманской фразеологии – прим. перев.) Если бы Боги были равны друг другу, то им – наивысшая абсурдность – ничем больше не приходилось бы обмениваться. По мере того как расчетливое мышление лишает народ своей идентичности, оно принуждает остальной мир отказываться от основной оригинальности, которую она дополняет и обогащает. Эгалитарное мышление, которое питает космополис, ослабляет все человечество. Размышляющее мышление остается самым эффективным противоядием расчетливому мышлению Америки. Мы сразу понимаем актуальность слов Хайдеггера: «Потому нужно спасать сущность. Поэтому нужно поддерживать мышление в бодрствовании».⁴⁶ Другими словами, нужно, чтобы мы оставались связанными с корнями. Мартин Хайдеггер делает в этой связи столь же мастерское, как и категоричное заявление: «Оседлость сегодняшнего человека находится под угрозой в самом сокровенном. Даже больше: причиной потери оседлости могут быть не только внешние обстоятельства и судьбы, она основывается также не только на халатности и поверхностном образе жизни людей. Потеря оседлости исходит из духа эпохи, в которой мы все живем».⁴⁷ Затем Хайдеггер спрашивает об ужасных последствиях лишения корней: «Мы становимся еще задумчивее и спрашиваем: Если дела обстоят таким образом, то может ли человек, может ли человеческое произведение в будущем еще произрасти на высокой родной земле и дорасти до эфира, т.е. на ширину неба и духа?»⁴⁸

Страна на распутье

Чтобы суметь выполнить историческую миссию, которую философ из Шварцвальда приписывает ей,⁴⁹ Германия должна будет бороться с американско-западным космополисом с самой большой энергией, с энергией самообороны, которая требует использования самых сильных средств против самой большой опасности. Германии придется принять решение о выборе между либеральной потребительской идеологией запада (или ее советским тоталитарным вариантом); и европейским веком, который мы выражаем через модель органической, солидарной и сильной для принятия решений общности. При этом мы согласны с Максом Шелером, когда он утверждает: «Где бы на Земле не существовала общность, мы находим, что самая высокая ценность признается за основными формами коллективной жизни, стоящей выше всех интересов и субъективных образов мыслей и намерений отдельного человека... И потому получается всюду, где есть общность, что формы жизни обладают самостоятельной ценностью, которая не зависит от степени оценки интересов, от счастья и страданий отдельных людей».⁵⁰ Германии предстоит вырвать себя из тупика, в котором чахнет ее татуированный гений; умиротворение и гедонизм, которые благодаря усилиям учеников чародея космополиса кажутся вкусными, дегуманизируют Германию, так как ни пацифистская утопия, ни враждебный труду принцип наслаждений никогда не были душевными опорами и историческими целями ее германства. Германия должна проникнуть в опасную питательную среду истории – а именно точно так, как каждый человек, который упорядочивает жизнь, изучает ее основные черты и стремится к ее совершенствованию, подвергает себя с этой целью опасности особого напряжения, кризиса, рокового, непредсказуемого события, зная, что он может предотвратить угрозу только тогда, когда выйдет на бой с ней и победит. В народе обычно говорят о «подвиге», которого можно достичь, по словам Шпенглера, «только через живой образец и нравственную самодисциплину сословия, отдающего приказы..., но не через многословие или принуждение». Германия, центр европейской истории, должна снова вступить в этот вид формы, если она хочет жить, выжить, жить лучше в греческом, фаустовском, ницшеанском смысле слова. Только тогда она снова сможет схватить поводья своих культурных обязательств, своих политических решений, своего исторического проекта и своей судьбы. Германия должна вернуть политической деятельности ее суверенную силу, экономика должна снова интегрироваться в политическое, подчиняющее ее решение, а именно в рамках ясной и неоспоримой иерархии, которая снова подтвердит приоритет принца над купцом. Этот процесс де-американизации и в то же время до-европеизации Германии обуславливает ее радикальное отделение от Запада, от потребительской идеологии американского образа жизни. Германия, которая образцово воплощала рискованную, смелую историю, должна снова вспомнить – в точке нуля этой истории – о своем назначении как народа движения в вечном становлении. Германия, если она разорвет цепи либерального ГУЛАГа, сможет снова влить всей Европе волю к общности, к

усердию, к борьбе, к чувству солидарности и чести, ценности долга, верности, потребности к борьбе, к желанию абсолютного.

Страна, которая должна выиграть революцию

Мы находимся в состоянии борьбы культур. В этой борьбе, однако, у нас есть не только противники, но и союзники: все народы Третьего мира, которые тоже восстанут против смертельной опасности. Эта борьба идей требует чрезвычайной сети знаний и информации. И ей нужны новые вожди уровня Хюттена, Лейбница, Шиллера, Мольтке и Клаузевица, стратегия которых называется теперь метаполитикой. Революция двадцать первого века произойдет из гигантского столкновения размышляющего мышления с расчетливым мышлением, пробуждающего мышления с оглуляющим, гуманизирующего мышления, опирающегося на родную почву, с дегуманизирующим, которое рассеивает и растворяет. Метаполитическое направление равняется использованию культурной контрсилы, которая опирается на другое мировоззрение, другую общественную точку зрения, другое измерение человека и поэтому – на другую систему ценностей. Ален де Бенуа с полным основанием замечал: «Участвовать в нашем предприятии – это не значит принять решение в пользу одной группировки против других. Это значит окончательно выйти из троллейбуса, который постоянно курсирует между противоположными полюсами одной и той же идеологии... Участвовать в нашем предприятии, означает, собственно, установить «контакт третьей степени», то есть, это означает прибыть в другой мир».⁵¹

Возрождение Европы, освобождение ее от идеологической, политической, духовной опеки может произойти только путем культурной войны, а именно – единственной войны, которая может спасти Европу от духовного разрушения (которое вполне может предшествовать физическому, материальному разрушению, если бы Америка завтра втянула наш континент в атомную войну). Мартин Хайдеггер настоятельно просит нас, чтобы мы открыли борьбу идей: «Как раз потому, что большое решение для Европы не должно быть принято на пути уничтожения, оно может быть принято только путем развития новых исторически духовных сил из ее внутренней части».⁵²

На первой странице своего самого известного произведения Артур Мёллер ван ден Брук заявляет: «Война может быть проиграна. В неудачной войне можно взять реванш. Самая плохая война никогда не является окончательной. Но революция должна быть выиграна. Революция неповторима... Революция – это самое подлинное дело нации, которую соответствующий народ должен устроить сам и от исхода которой зависит направление, которое он на свободе может придать своей судьбе».⁵³ В этом титаническом споре о повторном укоренении, в этой решающей борьбе за сохранение основной, корневой субстанции, на этой войне за духовное перевооружение Германии мы отказываемся от оказавшихся слишком тесными представлений профессио-

нальных политиков. В этом отношении мы сближаемся с Новыми Левыми, если они определяют свою позицию, прежде всего, относительно Германии, и отдаляемся от Старых Правых, позиция которых определяется с самого начала их оглядкой на Америку. И сегодня мы приветствуем Новых Левых, если их определение позиции по отношению к Германии происходит также в пользу немецких культурных ценностей.

Сегодня мы так же сближаемся с Новыми Левыми, если они при определении своей позиции учитывают интересы Европы – и поворачиваемся спиной к Старым Правым, позиция которых содержит в высшей степени опасный миф атлантизма. Здесь мы осознаем абсурдность политических ярлыков, опасность расколов, внутреннее старение партий. Однако одновременно мы осознаем ценность идей, значение людей. Наконец, мы с большим удовлетворением видим все эти невидимые узы, которые уже соединяют людей органической общности завтрашнего дня друг с другом. Немецкая Новая культура выступает за европейский вызов, так как только у одной этой альтернативы есть перспектива, которая двигает судьбу, создает другие сети восприятия, открывает новые источники образов и пробуждает новых гениев.

Страна, которая пробудит народы?

Поэтому мы еще неопределенное время будем нести Германию в себе как внутреннюю империю, и вспоминать при этом о Рихарде Вагнере. Мы дальше будем позволять бродить жрецам Вакха, о которых рассказал нам Гёльдерлин, поэт эпохи величайшей нужды, так как они провозглашают наш идеал. Мы позволим им бродить из одной европейской страны в другую. Они свяжут невидимые нити наших внутренних империй и подготовят нас к утреннему рассвету, к большой боли, которую Ницше назвал последним освободителем духа.⁵⁴ Профессор Джейсон Хаджинас выражался в том же самом смысле, что упадок идентичности можно преодолеть только условия, если удастся принудить самого себя к героической борьбе. Он добавляет: «Наши боги предоставят защиту своим народам только тогда, если сами народы не предпочтут им чужие для них божества».⁵⁵ Мы должны остаться верными как нашим богам, нашим народам, так и нашим мифам, которые, по оценке Ганса Юргена Зиберберга, помогают справляться нам с нашей историей, при условии, что мы понимаем ее как чисто совершенно человеческое выражение культурного действия.⁵⁶ Но теперь каждая революция воплощает миф; каждая революция требует части мистицизма в абсолютной вере в новый мировой порядок. К этой вере добавляется железная воля людей, которые могут хотя бы потому, что они хотят. Освальд Шпенглер писал: «Нужно овладеть самим собой, чтобы смочь служить идее, быть готовым к внутренним жертвам из убеждения».⁵⁷ Вернер Хайзенберг заверял со своей стороны: сначала была вера, «вера в наше задание в этом мире».⁵⁸ Фридрих Ян утверждал, что чувство божественной силы черпается из сознания, что можно что-то сде-

лать, только тогда, когда этого действительно хочешь.⁵⁹ И Заратустра у Ницше провозглашал: «Вы бесплодны: поэтому вам не хватает веры».⁶⁰

В этом смысле мы хотим стать теми, кто пробудит наш народ.⁶¹ Кто может слышать, должен это услышать: Мы готовы заплатить нашу цену за нашу верность нашим богам, нашим народам, нашим мифам, так как мы вместе с Гёльдерлином знаем, что спасение произрастет из самой большой опасности. В полночь Европы приближается эгалитарный век масс, век однообразия. В этом кроется наивысшая опасность, но одновременно и вызов для самой большой борьбы и вместе с тем – самая сильная надежда! Если именно этот вызов в такой большой степени угрожает основам нашей идентичности, то он одновременно пробудит самое острое сопротивление; и если он попадет нам прямо в сердце нашей подлинной судьбы, он бросает нам вызов, чтобы мы смогли выработать самую жесткую, самую решительную, самую непреклонную силу воли. Давайте же в полночь мира позволим проскользнуть жрецам Вакха в нашу самую внутреннюю часть! Возмущения последних звезд указывают на высшую точку Великого полудня Ницше. Мы уже можем наблюдать необманчивые знаки. Если немецкая молодежь организует свои массовые митинги против Америки, то Тристан проснется в ней и сорвет шапку-невидимку с западного космополиса. Если Ганс Юрген Зиберберг заявляет, что искусство снова поднимет Германию (искусство, которое понимается как возвращение аристократических времен, как «эллинский неискореняемый принцип»⁶²) – тогда дремлющие силы Бетховена, Вагнера, Моцарта сочинят новую гармонию, символы и образы, создадут новые мифы для оживления Германии. Заратустра – это мутант, который с возвращением богов провозглашает пробуждение титанов, чтобы нести риск науки, чтобы снова поселиться в приключении, в событии, в истории, из которой пробиваются фундаментальные альтернативы. Заратустра снова приводит нас в миф, естественную родину творческого плодородия и святости. Индоевропейский дух издавна понимал священное через политеистическое мировоззрение – по примеру жизни и ее напряжений и в противоположность еврейско-христианскому «логосу». Заратустра позволяет нам предчувствовать появление нового европейского человека, который будет формировать судьбу Новой культуры в соответствии со словами Эрнеста Ренана. «Человек на Земле не только для того, чтобы быть счастливым или честным. Он также здесь, чтобы воплощать те более высокие образы жизни, как большое искусство и бескорыстная культура». Германия снова войдет в историю, чтобы спасти их от спасения. Послушаем Хайдеггера: «Начало близко. Он лежит не за нами как давно прошедшее, но оно стоит перед нами. Начало как самое великое уже обошло заранее все грядущее и тем самым – нас тоже. Начало ворвалось в наше будущее, оно стоит, чтобы распоряжаться нами издали, чтобы снова догнать и обрести свое величие».⁶³

Страна, которая возвещает о возрождении эллинского духа

Фауст спустился с древа судьбы. Его гений – гений мутанта, объединяющий в себе Диониса и Аполлона. Гений, так сказать, снова создал «гесперию», Запад. Он открывает нам идентичность новой Германии. Эта идентичность имперская; т.е. немецкая «гесперия», немецкое «греко-эллиническое» новое начало провозглашено, выходящее за пределы упадка наций как обществ, вызов имперской Европы, будущей империи как общности. Так как Европа будет империей (в первоначальном смысле слова, вообще не имеющим ничего общего с извращением империализма,), т.е. органической общностью с одинаковыми биологическими, культурными и историческими корнями, как определял ее Макс Шелер. Эта общность образуется на основе одинакового этнического происхождения, одинаковых мифов, одинаковой истории и одинаковой судьбы – или она никогда не осуществится. Фауст второй раз дает нам понять: в момент истории, когда Германия еще никогда не была так разрушена в своем германстве, в момент, когда Германия унижена до самой материальной, самой невероятной формулы, немецкий дух в своем собственном отечестве проклят и отчужден – но одновременно он также самый осознанный, самый умный и самый трагический, как никогда в этом веке. Фауст дает знать нам, что немецкий дух никогда еще не был таким индоевропейским, т.е. никогда не был таким «греко-эллиническим», немецким и эллиническим, когда Карл Шмитт определяет децизионизм (учение о решении) как сущность политического; немецким и эллиническим, когда Арнольд Гелен, который охватывает характеризующее человеческого в культурном действии, которое предполагает готовую к риску, следовательно трагическую природу человека; немецким и эллиническим, когда Конрад Лоренц соединяет современное естественнонаучное мышление с античной философией и виталистичными воззрениями, которые снова окунают людей в поток живого, в органическую совокупность жизни; немецким и эллиническим, когда Вернер Хайзенберг объясняет: «Никто не знает, что принесет будущее и какие духовные силы будут управлять миром, но мы можем начать только с тем, что мы во что-то верим и что-то хотим»⁶⁴; немецким и эллиническим, когда Ганс Альберт проецирует философское видение, которое принимает во внимание многослойность и множество реального без ограничений и осуждает все формы догматизма; немецким и эллиническим, когда Готтфрид Бенн требует, даже перед самым темным часом мира никогда не опускать мечи⁶⁵; немецким и эллиническим, когда Вальтер Отто возвращает нам через картину божественного в зеркале греческого духа религиозную идею всего европейского наследия в фундаментальном монизме человека и природы, науки и философии, людей и богов; немецким и эллиническим, когда Мёллер ван ден Брук заверяет: «Величие человека: быть еще несколько большим, чем он есть сам по себе. Величие народа: быть еще чем-то выше себя, и делиться от себя, обладать еще чем-то, чем он может поделиться»⁶⁶; немецким и эллиническим, когда Макс Шелер заверяет, что сохранение народов представляет собой большую ценность,

чем промышленный рост⁶⁷; немецким и эллинским, когда Ганс Юрген Зибберберг утверждает, что немецкий народ должен будет снова воплотиться в лежащих в основе его мифах; немецким и эллинским, когда Эрнст Юнгер видит в технике не цель, а средство, новую силу мобилизации, новую волю к власти, новый вызов, из которых человек, вероятно, позволит возникнуть новой магии... Поэтому Германия призывает «греко-эллинское» новое начало, поэтому Германия – это наша внутренняя империя, новый предвестник европейской судьбы.

Фауст-Хайдеггер, который так удачно воплощает эту эллинскую суть, требует от нас сохранения нашей особенности, нашей жизни, жизни всех народов: «Мы хотим нас самих. Потому что молодая и самая новая сила, которая созрела над нами, уже решила это. Великолепие и величие этого прорыва мы, однако, только тогда поймем в полной мере, когда войдем в ту глубокую и широкую спокойную рассудительность, из которой нам слышна древняя греческая мудрость: «Все великое состоит в буре».⁶⁸

Примечания

- 1 Martin Heidegger, Einführung in die Metaphysik, Tübingen, 1953, стр. 29.
- 2 В Le Nouvel observateur, 5 мая 1980.
- 3 Henry de Lesquen, La politique du vivant, Paris 1979.
- 4 Kolloquium Biologie und Zukunft des Menschen, Paris 1974.
- 5 С. D. Darlington, Die Wiederentdeckung der Gleichheit, Frankfurt/Main 1980.
- 6 Robert Ardrey, Der Gesellschaftsvertrag. Das Naturgesetz von der Ungleichheit der Menschen, 1971.
- 7 M. Fournier, в Charlie-Hebdo, 15 марта 1971.
- 8 Edward T. Hall, Die Sprache des Raums, 1976.
- 9 Ср. Gerald B. Suttles, The Social Order of the Slum, Chicago 1966.
- 10 Ср. R. Park, Pace and Culture, Glencoe, 1950.
- 11 Robert Ardrey, указ. соч., стр. 11и дальше.
- 12 Ср. Konrad Lorenz, прежде всего в Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression, 1963.
- 13 Simone Weil, L'enracinement, Paris 1970.
- 14 Vgl. Saint-Loup, Plus de pardons pour les Bretons, Paris 1971.
- 15 Martin Heidegger, указ. соч., стр. 29 и дальше.
- 16 Там же, стр. 30.
- 17 Eric le Naour, в L'Avenir de la France, февраль 1971.
- 18 Alain de Benoist, Les Dieés à l'endroit, Paris 1979, стр. 141.

19 Mahmut Güropolu, в Frankfurter Allgemeine Zeitung, 3 декабря 1981.

20 В действительности, корни тоталитаризма родственны с корнями монотеизма. Так как – Зигрид Хунке показала это с особенной пронизательностью – «Много путей ведут к Богу. Никакой из этих путей не является избранным. Не существует ничего, что является действительно единственно верным для всех людей, народов и времен. Никто из них не лучше чем другой. Так как все ведут к одному и тому же необъяснимому, о котором говорят религии всех времен и народов, даже если они понимали это с различными шифрами и образами и называли разными именами – то одно необъяснимое, которое вечно выходит за пределы предугадываемого, за границы распознавания и понимания и которое может понять только религиозное переживание. И так как все пути приближаются к божественному из разных исходных пунктов, с каждого открывается другой вид на него. Потому что одна и та же гора по-разному представляется разным людям, смотрящим на нее, и даже у двух человек будет не абсолютно одинаковый взгляд. У его образа есть миллиарды контуров, у его лика миллиарды профилей. (Europas eigene Religion, Bergisch Gladbach 1981, стр. 17).

21 В особенности следует вспомнить американских индейцев: психически «инфицированных» в плане их особых взглядов на мир и космос – что ускорило их психический упадок, и, в конечном счете, их вымирание. Конрад Лоренц писал об этом: « ... Культура не позволяет прерывания своей непрерывности». История колонизации дает «многочисленные примеры того, что уничтожались не только одни культуры, но и народы и расы».

22 Arnold Gehlen, Moral und Hypermoral, Frankfurt/Main, стр. 79.

23 Thierry Maulnier, Le sens des mots, Paris 1978.

24 «Свидетельствует ли о расовой или даже о расистской ностальгии то, что мы хотели бы иметь детей, похожих на нас самих?» – спрашивает Анри де Лескан, указ. соч., стр. 252.

25 «История показывает: для уничтожения меньшинства есть два главных метода. Первый состоит в простом искоренении; второй, более тонкий, – в поглощении путем смешивания». (Анри де Лескан, указ. соч., стр. 246). Конрад Лоренц указывает со своей стороны на следующее обстоятельство: «Мы знаем, что метисы представляют собой не что-то «появившееся между» их родителей, ни в ее инстинктивном поведении, ни в определенных физических признаках, а возврат к исторически более старым ступеням». (Über tierisches und menschliches Verhalten. Aus dem Werdegang der Verhaltenslehre, 1965).

26 Martin Heidegger, указ. соч., стр. 25.

27 Julius Evola, // cammino del Cinabro. Frz. Ausgabe Le Chemin du Cinabre, Mailand 1982, стр. 201.

28 Martin Heidegger, указ. соч., стр. 49.

29 Oswald Spengler, Jahre der Entscheidung, München 1933, стр. 1.

30 Martin Heidegger, указ. соч., стр. 50.

31 Там же, стр. 40 и дальше.

32 Там же, стр. 48.

33 Там же, стр. 41.

- 34 Thomas Mann, Betrachtungen eines Unpolitischen, Berlin 1920, стр. 16.
- 35 Friedrich Nietzsche, Zur Genealogie der Moral, München 1980, стр. 278.
- 36 Julius Evola, Heidnischer Imperialismus, Leipzig 1933, стр. 89 и дальше.
- 37 Friedrich Nietzsche, Sämtliche Werke, Kritische Studienausgabe, München 1980, Том 9, Nachgelassene Werke, стр. 338.
- 38 Там же, том 6, стр. 287.
- 39 Joachim Fernau, Halleluja. Die Geschichte der USA, München 1977, стр. 315 и дальше.
- 40 Julius Evola, L'arco e la clava, 1968; франц. издание L'arc et la massue, 1983, стр. 35.
- 41 Martin Heidegger, Gelassenheit, Pfullingen 1959, стр. 27.
- 42 Hermann Keyserling, Amerika. Der Aufgang zu einer neuen Welt, Darmstadt 1930.
- 43 Mme de Staël, Über Deutschland, 2 том, Leipzig 1813, стр. 150.
- 44 Thomas Mann, указ. соч., стр. 35.
- 45 Бывший французский президент Жиска д'Эстен заявил – по поводу проходившего на Мысе Агд коллоквиума его партии – в одновременно претенциозном и триумфальном тоне, что экономическое должно в возрастающей мере поглотить политическое. Экономическое должно стать все больше причиной жизни и целью жизни. Красноречивая речь, указывающая на мондиалистское, асептическое, сваренное учениками чародея эгалитаризма смешанное общество. Эти слова, в разной форме, можно было услышать от всех теноров системы, будь это Геншер, Фогель, Рейган, Барр, Коль или Миттеран.
- 46 Martin Heidegger, Gelassenheit, указ. соч., стр. 27.
- 47 Там же, стр. 18.
- 48 Там же, стр. 18.
- 49 Derselbe, Einführung in die Metaphysik, указ. соч., стр. 17.
- 50 Max Scheler, Gesammelte Werke, том 3, Vom Umsturz der Werte, ‚Das Ressentiment im Aufbau der Moralen‘, Bern 1955, стр. 141.
- 51 Alain de Benoist, Pour un gramscisme de droite, Paris 1982, стр. 21.
- 52 Martin Heidegger, Einführung in die Metaphysik, указ. соч., стр. 41 и дальше.
- 53 Arthur Moeller van den Bruck, Das dritte Reich, Berlin 1926, стр. 19.
- 54 Friedrich Nietzsche, ср. том.3, указ. соч., Die fröhliche Wissenschaft.
- 55 Jason Hadjidinas, в Vouloir, Nr. 10, ноябрь 1984, Brüssel.
- 56 Hans-Jürgen Syberberg, L'art qui sauve de la misère allemande, В Change, март 1978, Paris.
- 57 Oswald Spengler, Jahre der Entscheidung, München 1933.
- 58 Werner Heisenberg, Das Naturbild der heutigen Physik, Hamburg 1955, стр. 45.
- 59 Friedrich Jahn, Deutsches Volkstum, 1810.

- 60 Friedrich Nietzsche, Also sprach Zarathustra, II. часть, Vom Lande der Bildung.
- 61 Pierre Vial, в Les idées qui mènent le monde. Les intellectuels et l'Histoire. В Pour un gramscisme de droite, указ. соч.
- 62 Hans-Jürgen Syberberg, указ. соч.
- 63 Martin Heidegger, Die Selbstbehauptung der deutschen Universität, 1933, стр. 11.
- 64 Werner Heisenberg, указ. соч., стр. 45.
- 65 Gottfried Benn, in Poèmes, Paris 1956, cp. 80 (Edition bilingue).
- 66 Arthur Moeller van den Bruck, Das dritte Reich, указ. соч., S. 348.
- 67 Max Scheler, указ. соч., стр. 146.
- 68 Martin Heidegger, Die Selbstbehauptung der deutschen Universität, указ. соч., стр. 22.

Библиотека Велесова Слобода, 2012 г.